

СОЦІАЛЬНІ МЕХАНІЗМИ СУСПІЛЬСТВ, ЩО ТРАНСФОРМУЮТЬСЯ: ТЕОРІЯ І МЕТОДОЛОГІЯ ДОСЛІДЖЕНЬ

УДК 316.32

Н. А. Победа, д-р филос. наук, професор
Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра соціології;
г. Одеса, 65058, Французький бульвар, 24/26, к. 40, Україна;
тел. 715-80-58; mailto: PobedaNA@meta.ua

ТОЛЕРАНТНОСТЬ — ДИФФУЗНАЯ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ "СОЦИАЛЬНОГО"

В статье рассматриваются эволюция содержательных смыслов толерантности в контексте социогуманитарных исследований. Обосновывается форма проявления феномена в качестве пограничной определенности других, более устойчивых и институционально оформленных, структур. На обсуждение выносятся концептуальные подходы к изучаемому феномену, операциональные эквиваленты "отношений толерантности" и "моделей толерантности". На примере эмпирических исследований этнических групп в социокультурной среде городов Львова, Одессы, Харькова раскрываются различия свойств толерантности и оценивается характер структурных связей между заявленными для измерения единицами анализа.

Ключевые слова: пограничная определенность, свойства и конфигурации социальных отношений, сцепление социальных связей, воспроизводящих разные модели толерантности.

Постановка проблемы. Толерантность — сложный и противоречивый социальный феномен. Его смысловые и содержательные компоненты формируются тысячелетиями. Разные культуры предполагают различные модели толерантного сознания. Толерантность, вбирая в себя ценности и социальные интересы, ментальные установки и стереотипы, являясь способом выживания в постоянно меняющемся мире, предстает как золотое сечение между свободой и ответственностью и требует уточнения границ, в которых она может быть описана и объяснена на каждом конкретном временном отрезке развития социума.

В самом общем виде разнообразные формы её существования, социальные факты проявления наиболее адекватно могут быть представлены, по-видимому, в русле теории "социального" и "культурного капитала" П. Бурдьё. Будучи синтетическим, интегриро-

ванным, выводимым из всего комплекса социальных отношений феноменом, как социальный и культурный капитал, она может включать в себя "престижные культурные ресурсы", "...широко распространенные культурные сигналы... используемые для социального и культурного исключения...", "компетентность и знакомство с доминирующими культурными кодами и практиками..." [1, с. 99–142; 2, с. 184–188].

Но это лишь отправная точка, первый уровень приближения, символическая система координат. Наряду с ними существует матрица, отражающая невидимые связи, те самые, которые формируют пространство позиций или опредмеченных социальных отношений.

Связь практик и социальных отношений в их социальном измерении свидетельствует о необходимости учета специфических особенностей социальной реальности: их символически культурной первооснове, законах интеграции (кооперации и коллективности, обеспечении порядка и изменении сетей социальных взаимодействий). Изначальная парадоксальность, заложенная в социальной реальности, находит продолжение и в свойствах, которые характерны для толерантности.

При всей множественности проявления толерантности форма ее существования в социальной реальности может быть обозначена, на наш взгляд, как *диффузная*. Иначе — это не жестко структурированная (институционально оформленная), а скорее *проявляющаяся через качественные свойства устойчивых структур пограничная определенность*. Профессионалами исследователями она осмысливается на уровне теоретического анализа, классификации эмпирических фактов и обозначения тенденций развития, государственными деятелями и дипломатами — в практиках международных отношений, таких как "диалог", конвенциональные соглашения, "протокол", "игры риторики" и т. д.; в социальной политике конкретных государств толерантность связана с распространением и реализацией идей плюрализма, свободы слова и прав человека, а также как последовательная линия государственных институтов и неправительственных организаций на внутреннюю интеграцию граждан. На уровне обыденного сознания толерантность чаще всего понимают как терпимость по отношению к верованиям, чувствам, традициям других культур, разных социальных групп, способность воздерживаться от силового воздействия в ситуациях конфликта ментальностей и реализации конкретных интересов.

Учитывая заданный выше спектр значений толерантности, обозначим задачи настоящей статьи. Они, прежде всего, состоят в попытке нахождения свойств, свидетельствующих о ее проявлении через "узлы сплетения", комплексы социальных отношений в той пограничной системе взаимодействий, о которой говорилось выше. Это даст возможность применения показателей и индикаторов толерантности к разным областям социальной реальности — транснациональному сообществу и национально-государственным структурам, локально-территориальным образованиям (регионам) внутри

государств, а также этнонациональным и другим социальным группам с выраженными интересами и целевыми задачами. Вторая — представить некоторые операциональные эквиваленты заявленных "единиц анализа" и перевести понятие толерантности из описательного в измерительное и объяснительное. Третья — показать различие свойств толерантности в политической и культурной подсистемах на примере этнонациональных групп культурной среды Львова, Одессы, Харькова, представляющих регионы Украины.

Изменения содержательных смыслов толерантности. Проблема формирования толерантного сознания связана с дальнейшим развитием глобализации, сопровождающейся борьбой за передел территорий, сфер влияния, обладание природными и человеческими ресурсами. Внешние и внутренние формы столкновений обобщаются через явления терроризма, религиозного фундаментализма, радикализма, тоталитарного правления, уничтожающих достоинство человека и противопоставляющих ту или иную страну цивилизованным принципам развития. Они характеризуют силовую составляющую в борьбе за национальные, корпоративные и личные интересы. Целостность человеческого существования в современных условиях можно назвать скорее "кипящей", нежели гармоничной, гуманистической и стабильной. Вместе с тем человечество, проходя тот или иной этап бифуркаций и взрывов, выживает не за счет войн, а за счет культуры, которая, учитывая "престижные культурные ресурсы", всегда дает шанс к осмыслению изменившейся социальной реальности, появлению новых идей солидаризации и конкурентоспособности.

Дискурс толерантности в научной литературе свидетельствует о том, что семантическое поле его настолько широко, что пока не просматривается общий концептуальный подход.

Поскольку толерантность проявляется как диффузная форма социальности (не может возникать сама из себя) и является отражением условий и качества жизни, с одной стороны, институциональных и самоорганизационных форм взаимодействия — с другой, то оценка степени ее проявления через свойства и качества социальных отношений на социетальном уровне не может обходиться без мир-системного анализа. Прежде всего, с точки зрения оценки перспектив развития той или иной страны в новом мировом пространстве.

Большинство исследователей едины во мнении, что взаимозависимость выражает суть глобализации, даже несмотря на разнонаправленность ее результирующих значений (дает новые перспективы для экономического роста всех стран и улучшения качества жизни в мировом масштабе или задает ориентацию превращения мира в колонию транснациональных корпораций). В последнем варианте указывается на логику развития по оси "ядро — периферия" и ущемление автономии стран, находящихся в зоне периферии, их неспособность защищать своих граждан посредством регулирования экономических рычагов. Более того, согласно концепции

"структурной глобализации" [3, р. 10] качественно новых свойств капиталистическая мировая система не приобретает, а может изменяться лишь горизонтально, обретая новые пространства. Иначе — появляются *новые оси, вокруг которых поляризуются* сложившиеся социальные отношения. К ним относятся привилегированный *для ряда стран* доступ к природным ресурсам планеты, контроль со стороны *определенных стран* над глобальными финансовыми потоками, контроль над технологиями, средствами массовой информации и обладание оружием массового уничтожения [4, р. 1–17]. Все это обозначилось уже сейчас и опровергает неолиберальную веру о свободном саморегулирующемся рынке как основании стабильного и устойчивого развития всех стран.

Тем не менее толерантность должна найти свое место в складывающемся новом глобальном неравенстве. По-видимому, косвенным показателем сокращения экономического неравенства может служить ВВП и индекс развития человеческого потенциала — как свидетельства создающихся "оптимальных" условий для формирования моделей толерантности. В социологическом измерении — это оценка жизненных и социальных условий в их динамическом аспекте ("улучшились", "ухудшились", "остались на прежнем уровне"). Если экономические факторы жизнеобеспечения следует фиксировать через такие единицы анализа, как "возможность иметь работу и обеспечивать себя" (объективными показателями будут средняя заработная плата в отраслях национальной экономики, коэффициенты поляризации), возможность получения медицинских услуг, образования, покупки жилья и т. д., то индикаторами социальных условий могут быть оценки реального функционирования в повседневных практиках "свободы слова", "собраний", "вероисповедания", "положения этнических групп" и т. д. Подробно они будут развернуты в подразделе "измерение толерантности". В этом виде *толерантность раскрывается как составляющая социального капитала*.

Теория социального капитала будет иметь все большее значение в ситуации безысходности мировых гегемоний и пространственной интеграции, ранее слабо связанных народов и регионов планеты в капиталистическую мировую систему, поскольку, с одной стороны, происходит сдвиг от государственной ответственности за социальную защиту населения к многочисленным негосударственным образованиям, с другой — меняется сама модель государства всеобщего благоденствия. Способом выживания становятся индивидуальные стратегии и индивидуальный социальный капитал при минимальной институциональной поддержке. В связи с этим актуализируемой характеристикой социального капитала становятся *более развитые горизонтальные связи*, вовлеченность в сеть добровольных социальных организаций, с помощью которых увеличить индивидуальный социальный капитал можно быстрее, чем обращением к государственным институтам. Примером могут служить этнокультурные общества, другие ассоциации и даже клановые сообще-

ства, где уровень доверия, диапазон ресурсов, подлежащих обмену и конвертации, — как составляющие способа конкурентоспособности — выше, чем в отношении официальных правительственных структур. Следовательно, принципиальное значение приобретает соотношение участия граждан и степень *их доверия институтам государства* и участие (формальное и неформальное) в деятельности различных социальных организаций. Сами *социальные сети заслуживают внимания исследователей* с точки зрения воспроизводства социального капитала общества и как *самовоспроизводящиеся* социальные общности. Курс "обмена этих капиталов" может быть определен через отношение гражданской, локально-территориальной, этнической, региональной (европейской), транснациональной идентичности и изменение чувствительности в выражении этого отношения.

Самостоятельным индикатором толерантности в контексте культурного и символического капитала на социальном уровне является также ценностно-нормативная система, ее проявление в частном и публичном пространствах. Если в блоке жизненных условий "свобода слова", "свобода изданий", "свобода вероисповедания", "уважение человеческого достоинства", "положение этнических меньшинств" выступают как сложившиеся в результате институционального воздействия объективные характеристики *воспроизводства толерантного сознания*, то система ценностей фиксирует субъективные основания их значимости и *согласованности основных жизненных принципов*. Показателем толерантного сознания в их субъектной форме выступают "свобода", "мирная обстановка в стране", "чувство долга и ответственности", "активная деятельная жизнь", "права человека", "профессионализм" (индикаторы шкалы М. Рокича).

Может показаться, что указанные ценности могут быть "ядром" к любому другому феномену. Социологическим содержанием они будут наполняться только в том случае, если определить, *какой набор из них связан структурной сетью*. Для этой цели можно рассмотреть корреляционные связи между указанными ценностями и свойствами человеческой личности, ориентированной на стратегию выживания или жизненного успеха.

Для развития идеи о свойствах толерантности как диффузной форме социальных отношений обратимся к определениям, которые уже существуют в научной литературе. Задача состоит в классификации их по основанию *структурной сети*:

Итак, толерантность понимается как:

- 1) "модальный стоицизм: принципиальное признание того, что другой имеет "право", иначе — "одобрение различия" [5, р. 10–11];
- 2) моральный идеал: "благость толерантности как отношения" [6, р. 160];
- 3) соотношение "теорий блага" (как общественной значимости и основания толерантности) и прав человека [7, р. 18], в том числе права реализовать свой жизненный проект;

- 4) "баланс суждений" [8, р. 13];
- 5) временный баланс сил между конфликтующими группами и ценностями [9, р. 323];
- 6) способы достижения мирного сосуществования; способ, посредством которого утверждаются другие ценности — свобода, равенство, справедливость [10, с. 110];
- 7) ценность и социальная норма гражданского общества [11, с. 113–129].

Толерантность, как любое социальное явление, противоречива по своей сути, и многие авторы указывают на ту грань, которая позволяет существовать ей "как благо" и как прямо противоположное качество в суждениях и деяниях. Такими антиномиями выступают "терпение" и "терпимость", толерантность — как добродетель личности и как уважение к правам личности; индивидуальность, непохожесть на других и признание интересов группы или общенациональных интересов и т. д. Мысль М. Б. Хомякова о том, что толерантность не является ни ценностью, ни добродетелью, а, скорее всего, представляет *множество отношений, служащих способом выстраивания* и более того — искусством выстраивания специфических социальных отношений, кажется нам достаточно эвристичной [10, с. 98–112].

Толерантность действительно соткана из разного рода отношений: морально-этических, ценностно-нормативных, правовых. Они соприкасаются своими гранями в главном — установке на гармоничное сосуществование, ненасильственное воздействие. Именно поэтому они могут быть поняты и объяснены в контексте ментальных структур, "ситуаций" и качества жизни.

Толерантность динамична. Как отмечает М. Б. Хомяков, "однажды добившись толерантности, различные меньшинства борются уже за признание". Добавим к этому, что в политической сфере России и Украины, добившись многопартийности и плюрализма, политические партии требуют признания "Закона об оппозиции", т. е. иного качественного состояния своих прав и свобод.

Обобщая суждения о семантическом поле толерантности, мы можем заключить, что нас интересует некий результат — *комплекс, "сцепление" вполне определенных связей*, а именно — воспроизводящих социальные отношения в *их гармонизирующем достоинстве человека варианте*. Исходя из этого можно выделить четыре идеи, образующие некие упорядочивающие определенности, которые не столько фиксируются в качестве структуры, сколько очерчивают контуры связей близких по смыслам социального действия элементов:

— идею уважения человеческого достоинства как основную целевую установку цивилизационного развития;

— идею ядра ценностей, соотносимых как между собой, так и отвечающих пониманию толерантности и принятию ее в повседневных идеологиях и практиках, соответствующих уровню развития социума;

— идею "отношения", "отношений толерантности" и "моделей толерантности", вытекающих из разных конфигураций поведения и свойств в конкретном обществе;

— идею динамических характеристик толерантности: "от терпимости к признанию", "от идеала к ценности", "от способа сосуществования к рациональному консенсусу и процедурному решению конфликтов интересов" и т. д. Иначе — *идею трансформации, а не только воспроизводства толерантности, идею оценки факторов детерминирующего влияния* в отношении эмпирически наблюдаемых свойств.

Попытаемся реализовать заявленные идеи на материалах эмпирических исследований, проведенных в Украине в 1996–2003 гг.

С обретением Украиной независимости стартовый капитал находился в руках республиканской партийно-хозяйственной элиты. Первые попытки проведения координированного курса на строительство рыночной экономики относятся к началу 1990-х гг. Мнения о ситуации середины 1990-х гг. разные: одни помнят ее как хаос, как период гиперинфляции, превращения всей страны в "базар". Другие выделяют демократизм, возрождение, внимание западного мира к Украине. Как экономические реформы, так и политические трансформации изначально носили "ограничительный" характер. Они были скорее спасительным якорем для погружающейся в хаос экономики и самосохранительным — для власти.

В политической сфере стало привычным резкое обострение политического противостояния, особенно во время предвыборных кампаний. Отсутствие национальной идеи, колебание от моноэтнической политики с попыткой унифицировать все этнокультурные группы на базе украинских культурно-языковых образцов к мультикультуральной, от унитарной модели государства к признанию права регионов на реализацию своего потенциала и развитию программ местного самоуправления создавали некую ориентацию "на умение ждать". Во всяком случае Украина избежала "кровавых" конфликтов, может быть, более всего за счет ранее накопленных потенциалов "терпения", "выносливости" и "терпеливости" как ментальных установок ее граждан.

Измерение толерантности. В систематизации свойств толерантности для нас принципиальное значение будут иметь подходы Д. Локвуда о различении "социальной" и "системной интеграции" [12] и идеи М. Арчер об *интеграции культурной системы* (логической последовательности идей, возникающих в социуме) и "каузальном принуждении" во взаимодействиях и деятельности — или социокультурной интеграции [13, с. 50–68].

Изучая феномен толерантности в эволюции идей, придающих смыслы действиям во времени, конкретных социальных средах и ситуациях, мы предполагаем, что эмерджентные свойства зависят от деятельности субъектов в прошедшем и настоящем. Прошлые поколения создавали ансамбль относительно независимых и устойчивых структур. Из этого следует необходимость разграничения "предзаданных условий" и актуальной деятельности. С одной сто-

роны, выявляются свойства в их влиянии через институциональные (системные, воздействующие принуждением) факторы, через неизбежность заданных экономических возможностей, с другой — в современной ситуации всегда концептуализируется опыт. В их взаимодополнительности не просто воспроизводятся свойства толерантности, а скорее они *трансформируются* в новые конфигурации или "нечто вслед за действиями". Превращение самих свойств в воздействующие на общество концептуальные сдвиги (идеи, убеждения) зависит от *степени их осознанности и принятия в качестве инструментальных ценностей*.

Качество жизни, условия жизнедеятельности. Предзаданные условия жизнедеятельности оценивались нами в эмпирических исследованиях 1996, 2003 гг.* через динамические характеристики "улучшились", "остались прежними", "ухудшились", а в содержательном значении через ряд материальных и нематериальных факторов: "возможности получения работы и обеспечения семьи", "возможности приобретения жилья", "медицинского обслуживания", "получения высшего образования", "проведения интересного и наполненного досуга", а также "возможности для проявления самостоятельности и инициативы", "свободы слова, собраний, печатных изданий", "участия в деятельности неправительственных организаций", "передвижение внутри и за пределы государства", "положения этнических групп внутри страны", "оценки международных отношений Украины с другими странами".

* В 1996 г. (октябрь–декабрь) исследование проходило в г. Одессе. Выборка — 585 человек, квотная. В ней представлены основные этносы, составляющие структуру населения города. Кроме того, контролировались признаки пола, возраста, образования, занятости в основных отраслях экономики. В 2003 г. после отработки всех блоков программы ("этническое происхождение и место в мире", "социальное самочувствие", "этнические меньшинства и внутренняя государственная политика в Украине"; "ментальность", "ценности", "стиль жизни", "гражданская позиция"; "уроки прошлого", "диалог о настоящем". "демографические и социальные характеристики"). Всего 236 вопросов с широким набором альтернатив. Исследование было проведено в городах Харькове и Львове, и в мониторинговом режиме в Одессе в сентябре–декабре 2003 г. Общая выборочная совокупность составляет 1400 человек (по 400 — в первых двух городах, 600 — в Одессе). Квоты основных этнических групп в конкретных городах равнялись 75 человекам. Украинцы, как носители коренной нации, составляли в каждом городе 150 человек. В результате было опрошено через раздаточные листы по месту жительства и в этнокультурных сообществах украинцев — 450 человек, русских — 225, евреев — 225, немцев — 150, болгар — 75, поляков — 75, молдаван — 75, "кавказцев" — 75 человек. Научная программа осуществлялась под руководством доктора философских наук, профессора Н. А. Победы, отдельные блоки разрабатывались совместно с кандидатом социологических наук О. А. Филиповой, кандидатами социологических наук Е. А. Фостачук и А. В. Ятвецкой. Организацию и проведение полевых исследований осуществляли во Львове кандидаты социологических наук Л. И. Гуменюк и Н. Коваленко, в Харькове — кандидат социологических наук О. Ф. Филипова, в Одессе — кандидаты социологических наук Е. А. Фостачук, А. В. Ятвецкая, аспиранты Е. Главацкая, И. Зборовская.

Два индикатора ("уважение человеческого достоинства" и "порядок в стране") рассматривались нами как *интегративные составляющие общих жизненных условий*. Первое характеризует опредмеченность деятельности институтов государства в его целевой функции — развитии человеческого потенциала, второе — организационную культуру в достижении этой основной цели.

Анализируя сложный путь украинской независимости, можно отметить, что все материальные факторы, кроме возможности для досуговой деятельности (поскольку она была очень непритязательна в эти годы), характеризуются населением минусовыми значениями индекса в 1996 г., тогда как неэкономические факторы оценены респондентами позитивными значениями "открывшихся возможностей в свободе слова", проявлении инициативы, умеренными оценками в использовании прав для выезда на заработки за пределы Украины и на постоянное место жительства, а также отрицательными — в положении этнических групп (политика в этот период была моноэтнической). Примечательно, что оба интегральных показателя — "порядок в стране" и "уважение человеческого достоинства" — имеют самые высокие отрицательные значения (–0,91; –0,64) и отражают высокую напряженность социальной ситуации.

Мониторинг условий жизнедеятельности*, проведенный в 2003 г. в Одессе показывает направления изменений: граждане стали выше оценивать возможности занятости и получения рабочих мест (–0,80; –0,49), медицинских услуг (–0,82; –0,70), высшего образования (–0,58; –0,36), возросла доступность досуга, связанного с зарубежным туризмом, санаторным лечением, сокращались бюрократические процедуры в оформлении документов по выезду за пределы страны, улучшалось положение этнических групп (в Украине начинает реализовываться социальная политика мультикультурального развития). Интегральные показатели — "уважение человеческого достоинства" и "порядок в стране" — также обнаружили некие изменения, но они остались с отрицательными значениями индекса (–0,38; –0,57).

Диагностика самых проблемных зон для 2000-х гг. подтверждает предварительные выводы. Самые большие затруднения у разных слоев населения вызывает ухудшающееся здоровье (соответствует ограниченным возможностям получения медицинских услуг), снижение уровня материальной обеспеченности, озабоченность судьбой будущих поколений и личная безопасность. Для подтверждения объективными данными обратимся к статистике: валовой внутренний продукт в расчете на душу населения в 2000 г. в Украине составлял 687,2 в долларовом исчислении, в России —

* Учитывая, что динамика изменений конкретных элементов условий жизни за последние пять лет (1998–2003) фиксировалась в характеристиках "изменялись к лучшему" (а), "остались на прежнем уровне" (в), "изменялись к худшему" (с), индекс перемен рассчитывался по формуле: $a - c / a + в + с$. Область колебания индекса от +1 до –1.

7,5 тыс. долларов (для сравнения в Великобритании — 20,8 тыс.; Германии — 22,7 тыс.; Франции — 23,4 тыс. долларов); среднемесячная заработная плата составляла в Украине в 2000 г. 46 долларов, в 2004 г. — 115 долларов [14]. Именно на этот период по отчетам статистики приходится самый высокий уровень преступности и криминогенной обстановки во всех крупных городах Украины. В 1995 г. общее количество правонарушений всех видов было равно 641900, в 2000 г. — 567800, в 2004 г. — 527800. Из них половина приходилась на тяжкие и особо тяжкие [15].

Примечательно, что по названным параметрам оценки жизненных условий со стороны различных этнических групп почти не отличаются. Углубляющееся расслоение больше всего волнует этнических немцев и русских (30,7%; 29,7%), меньше всего — евреев (13,3%) и "кавказцев" (11%); нравственные отношения (эгоизм, черствость, равнодушие) более всего — болгар и "кавказцев" (33,3%; 30,1%), менее всего — русских (13,5%). К угрозе потери работы более чувствительны евреи (17,7%), менее всего — украинцы (3,4%), болгары (6,7%). Остроту проблем, связанных с межнациональными отношениями, ощущали сильнее всего евреи (13,3%), немцы (13,3%), "кавказцы" (12,3%) по сравнению с украинцами (4%), русскими (5,4%), болгарями (1,3%).

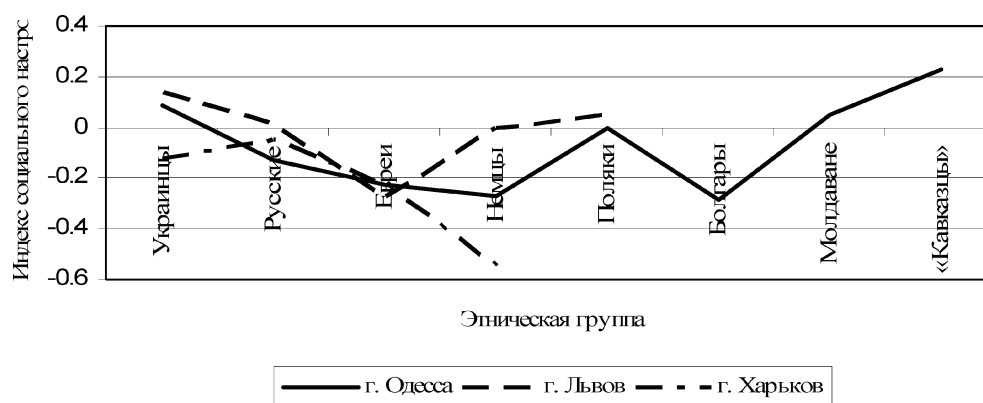

Рис. 1 *. Социальные настроения населения городов Одессы, Львова, Харькова в разрезе этнических групп (2003), индексы

Обобщающим показателем жизненных условий может служить индикатор социальных настроений. Оптимизм и уверенность

* Индекс социальных настроений рассчитывался на основании шкалы, которая включает следующие значения: "оптимизм" (а), "уверенность" (b), "спокойствие" (с), "безразличие" (d), "тревога" (е), "страх" (отчаяние) (f), "возмущение" (гнев) (g) и предстает как отношение $(a + b + c) - (e + f + g) / a + b + c + d + e + f + g$. Область колебания индекса от +1 до -1.

в завтрашнем дне в начале 2000-х годов разделяли от 30% (в Харькове) до 43% (во Львове) граждан Украины. В целом пессимистические настроения преобладали. Во Львове и Одессе их отмечали более половины населения (56,1%; 56,8%), а в Харькове — 2/3 горожан. Палитра пессимистических настроений колебалась от "безразличия к происходящему" (в среднем каждый десятый) — "тревоги" (примерно каждый третий) — "страха и отчаяния" (7%) до "возмущения и гнева" (10–13%). В такой "кипящей целостности" выстраивать толерантные отношения было довольно сложно.

Если рассматривать восприятие жизненных условий в разрезе этнических групп, то наибольшим оптимизмом отличались украинцы. Они чувствовали себя одинаково хорошо во всех регионах Украины. У русских самые негативные оценки в Одессе, но доля лиц, отмечающих "возмущение и гнев", равная у этнических русских как во Львове, так и в Одессе (14,7%). Самые чувствительные оценки к сложившейся социальной ситуации наблюдаются у евреев. Индекс социальных настроений у евреев Львова, Харькова и Одессы практически не отличается (–0,28; –0,23; –0,23). Наиболее пессимистичные настроения появляются у этнических немцев (индекс — 0,55), проживающих в Харькове, а немцы, живущие в Одессе, более оптимистичны, уверены в себе, спокойны и уравновешены в оценках (0,01).

Подводя итог фоновым характеристикам толерантности, можно заключить, что *социальная агрессия и социальная апатия* явились наиболее значимыми тенденциями социальной жизни Украины начала 2000-х гг. Они и задавали температурный режим толерантности. Образующим свойством самой толерантности были: терпеливость в ожидании перемен и изменение общественного сознания, связанного с необходимостью активности, выработкой позиции личного экономического интереса.

Трансформации социальных норм. Направленность государственной социальной политики задает и общую атмосферу, и порядок в стране. Осевой идеал идеологии включает в себя как комплекс системообразующих ценностей, интегрирующих разные сообщества в гражданскую нацию, так и отношение к судьбам других стран и других народов. Изменение систем ценностей, наиболее консервативных и устойчивых элементов, интегрирующих социум, указывает направления и способы самовоспроизводства жизненного потенциала той или иной страны, равно как и жизнеспособности планетарной цивилизации. В нашем случае — воспроизводство и трансформацию либеральных ценностей, расширяющих толерантное сознание. Связь времен обеспечивается коллективным сознательным (идеология, убеждения, воля, реальные политические движения, политические партии) и коллективным бессознательным (представления, ожидания, настроения, стереотипы). *Идентификации являются инструментом выявления линейных и нелинейных зависимостей общественного сознания, соотношения индивидуального и коллективного, этнического и социального, толерантного и интолерантного.*

Таблица 1

Львов						
	Украинцы	Русские	Евреи	Поляки	Всего по массиву	
Оптимизм	36,7	37,3	10,8	34,2	29,7	43,3
Уверенность, спокойствие	16,7	9,3	16,2	12,3	13,6	
Безразличие	8,0	5,3	16,2	12,	10,4	
Тревога	21,3	28,0	44,6	24,7	29,6	
Страх, отчаяние	3,3	5,3	10,8	4,7	6,0	56,1
Возмущение, гнев	12,0	14,7	1,4	12,3	10,1	
Индекс социального настроения	0,14	0,01	-0,28	0,05	-0,02	
Харьков						
	Украинцы	Русские	Евреи	Поляки	Всего по массиву	
Оптимизм	24,7	28,0	21,3	12,0	21,0	30,2
Уверенность, спокойствие	16,0	2,7	18,2	1,3	9,2	
Безразличие	5,3	13,3	5,3	9,3	8,3	
Тревога	40,7	33,3	26,7	45,3	36,5	69,8
Страх, отчаяние	-	10,7	-	13,3	12,0	
Возмущение, гнев	10,0	5,3	22,0	16,0	13,0	
Индекс социального настроения	-0,12	-0,05	-0,23	-0,55	-0,24	
Одесса						
	Украинцы	Русские	Евреи	Болгары	Немцы	Молдаване
Оптимизм	44,0	21,3	10,7	16,0	28,0	25,3
Уверенность, спокойствие	16,0	8,0	20,0	8,0	13,3	20,0
Безразличие	6,0	4,0	16,0	16,0	13,3	4,0
Тревога	21,3	42,7	37,3	38,7	25,3	26,7
Страх, отчаяние	3,3	8,0	4,0	2,7	1,3	4,0
Возмущение, гнев	6,7	14,7	12,0	14,7	14,7	17,3
Индекс социального настроения	0,24	-0,35	-0,17	-0,29	0,01	0,05
Суммарные значения индекса	0,09	-0,13	-0,23	-0,29	-0,27	0,05

Трансформации социальных норм, проявляющихся в системе ценностей, ментальных установках независимо от того, какие изменения они фиксируют (со знаком плюс или минус), предстают в качестве признаков новых оснований в солидаризации общества, в нашем конкретном случае — конфигураций, обозначающих основания моделей толерантного сознания.

Сравнительные мониторинговые исследования по проблеме социальных идентичностей, проведенные в 1990-х начале 2000-х гг. в Одессе конкретизируют направления изменений. К концу 90-х годов в качестве основного ядра обозначились такие ценности, как "здоровье", "стабильность", "мирная обстановка в стране", "счастливая семейная жизнь". В Западной Европе они были ведущими в 1960-х гг. и демонстрировали восходящее развитие других, более сложных, ценностей*. Для Украины важно увидеть не только первичную первооснову стабилизационного сознания, но и как близки по величине проявления ценности, которая разделяет большинство: здоровье (0,91), мире и спокойствии в стране (0,87), счастливая семейная жизнь (0,84), материальное благополучие (0,79), хорошие и верные друзья (0,78). На фоне падения качества жизни и политических клановых тусовок они выступают компенсаторным механизмом стабильности. Здесь и симптомы советской ментальности, и понимание необходимости выживания и адаптации к новой неолиберальной системе координат. Однако если принять во внимание измерение в духе постмодернистских представлений, то отмеченные тенденции характеризуют традиционность системы ценностей и модус экстенсивного воспроизводства социума.

Другая группа ценностей отражала более сложные составляющие социального порядка: свободу (0,72), уверенность в себе (0,72), самостоятельность (0,71), наличие интересной работы (0,68). Социальные ориентиры более четко выражены, также как и "дух индивидуализма", с развитием рыночных отношений.

Изменения начала 2000-х гг. фиксируют новые конфигурации ценностей системы. В ряду более значимых население Одессы отмечает ценности: "здоровье" (0,96), "права человека" (0,94), "мирная обстановка в стране" (0,91), "счастливая семейная жизнь" (0,91), "стабильность" (0,90), "уверенность в себе" (0,90). Расширилась платформа базовых ценностей, в это же социальное пространство стали входить не только базовые, но и инструментальные ценности. Резко возросли значения таких ценностей, как "активная деятельная жизнь" (0,34 — 0,64); "интересная работа" (0,68 — 0,86), "свобода" (0,72 — 0,88); "общественное признание" (0,19 — 0,42); "познание" (0,40 — 0,76); "равенство возможностей" (0,32 — 0,67); "творчество" (0,18 — 0,87). Все это свидетельствует о каче-

* Значимость тех или иных ценностей фиксировалась по пятибалльной шкале ("очень важно" (а), "скорее важно, чем не важно" (b), "безразлично" (с), "скорее не важно, чем важно" (d), "совершенно не важно" (е)). Индекс рассчитывался по формуле: $(a + 1/2b) - (e + 1/2d) / a + b + c + d + e$.

ственных сдвигах, связанных с осмыслением новых принципов индивидуальной жизненной стратегии. При этом нет оснований для выводов о смене кризисного сознания стабилизационным. Более того, на фоне экономических, политических, социокультурных бифуркаций ценности терпения, терпимости, потребности понять иные точки зрения и осмыслить их с точки зрения перспектив конкурентоспособности Украины на мировом рынке и достижения порядка внутри страны еще более актуализировались.

Динамические сдвиги в ценностном сознании позволяют сделать вывод о становлении новой рациональности европейского порядка. Она еще только обозначилась. Традиционная ценностно-нормативная система с ее коллективностью и иллюзиями социального равенства, упрощенными или автоматически усвоенными ценностями ("советский человек", "совладелец государственной собственности", "коллективист" и т. д.) смещается в сторону корпоративных и индивидуальных. Они принимают в условиях противоречивых рыночных и административных реформ форму индивидуализма с размытыми векторами — от активного самосознания и конструктивного согласованного действия, до утилитаризма, прагматизма и агрессивного анархизма. Все представленные типы сосуществуют в трансформирующемся украинском обществе и, что примечательно, претендуют на признание. Это отчасти объясняет состояние размытости и амбивалентности общенациональной идентичности.

Заявленная задача настоящей статьи состоит в обосновании феномена толерантности, связанной структурной сетью ее свойств. Границы этих свойств задавались структурами системы ценностей, свойств и качеств, востребованных на рынке труда, условиями конкурентоспособности и выживания в глобальном экономическом неравенстве и ментальными установками, сформированными историческим временем и исторической ролью страны в системе бывшего СССР. Нетрудно заметить, что толерантность "предзадана" как прошлыми институциональными образованиями, так и настоящими самоорганизационными процессами.

Для решения задачи нахождения систем связи между указанными структурами и определения конфигураций свойств толерантности воспользуемся методом факторного анализа и представим некие типологии. Все свойства, включенные в систему ценностей, качеств и свойств, признаваемых в качестве значимых для стратегии жизненного успеха и ментальных установок украинского народа, будут служить неким общим признаковым пространством (таблицы 2, 3, 4).

Для решения задачи нахождения систем связи между указанными структурами и определения конфигураций свойств толерантности воспользуемся методом факторного анализа и представим некие типологии. Все свойства, включенные в систему ценностей, качеств и свойств, признаваемых в качестве значимых для стратегии жизненного успеха и ментальных установок украинского народа, будут служить неким общим признаковым пространством (таб-

лицы 2, 3, 4). Социальное поле в данном случае более широкое. Оно включает в себя самооценки населения городов Львова, Одессы и Харькова (N=1400 человек, представляющих центры западного, южного и восточного регионов Украины).

Сравнивая типологии с точки зрения заданных "единиц анализа" можем заметить, что "предзаданные" свойства (исходящие от системы ценностей и ментальных установок) очень похожи по своим "осевым" распределениям. *Первый тип* (с наиболее сильно выраженной связью между элементами) в системе ценностей представляет лиц со стабилизационно-гражданской и гуманистической ориентацией (мирная обстановка в стране, равенство возможностей, права человека, стабильность), в ментальных установках (представляющих альтернативы "толерантности" — "интолерантности") — ярко выражены повседневные идеологии (терпимость — толерантность — терпеливость) и многозначность поведенческих стереотипов.

Интерпретация второго порядка состоит в том, что в повседневных практиках легко разводятся "терпимость" и "терпеливость", различаются полярные точки толерантности через нетерпимость, нетерпение и агрессивность.

Интерпретация третьего порядка фиксирует не только значимость в исторически сформированной системе координат названных качеств, но и отрицательную связь с индикатором "политической активности" (-0,240). Пока не ясно, это индифферентность населения к "играм политических партий" и участию в их деятельности или отчужденность конкретных социальных групп населения от участия в политической жизни страны.

Второй тип в системе ценностей составляют лица творческой реформаторской ориентации (творчество, активная деятельная жизнь, общественная активность, познание, общественное признание). В системе координат ментальных установок также входят лица толерантной ориентации с ядром сформированных либеральных ценностей и, что особенно важно, саморегуляции (самостоятельность выбора и ответственность за него, свободолюбие, рационализм, продуктивность, деловитость, служение Отечеству, а не "хозяину").

В представленной типологии отличаются по когнитивным характеристикам лица, объединенные в третий тип: в системе ценностей этого типа находятся люди целерациональной ориентации, в их ментальной структуре — толерантные ориентации, но основания их позиций определяются делегированием ответственности государственным институтам и институтам общественного мнения, а не самим себе.

Четвертый и пятый типы сосредотачивают в себе свойства прагматической и традиционно-стабилизационной ориентации: тех, кто, ратуя за толерантность, продолжают пребывать в упрощенном понимании ее как человеческой открытости, простоты, коллективности или прагматических значений гибкости — прямолинейности и работы только ради денег или выживания.

Таблица 2
Типология респондентов, построенная на основе факторного анализа по характеристике значимости систем ценностей (N=1400, 2003 г., факторный вес)

Стабилизационная гражданская гумани- стическая ценностная ориентация	Творческая, конструк- тивно-реформаторская ориентация		Целерациональная ориентация		Прагматическая ориентация		Традиционно- стабилизационная ориентация	
	0,681	Творчество	0,758	Свобода	0,808	Жизнь, полная удовольствий и развлечений	Любовь	0,678
Мирная обста- новка в стране	0,621	Активная деятельная жизнь	0,720	Самостоятель- ность в приня- тии решений	0,752	Стремление к власти	Стабильность	0,649
Равенство возможностей	0,620	Общественная активность	0,658	Уверенность в себе	0,660		Счастливая семейная жизнь	0,496
Права человека	0,570	Познание	0,634					
Чувство долга	0,564	Обществен- ное признание	0,634					
Стабильность		Материальная обеспечен- ность	-0,216					

Таблица 3
Типология респондентов, построенная на основе факторного анализа самооценки деловых и личностных свойств, востребованных рынком труда и необходимостью построения гражданского общества в Украине (N=1400, 2003 г., факторный вес *)

Жесткая самоорганизация и индивидуальная целеустремленность	Гуманистическая и коллективистская стратегия		Потребительская, приспособительская и агрессивная ориентация		Традиционно-самосохранительное поведение	
	Чуткость	0,738	Умение жить за счет других	0,726	Простота	0,654
Твердая воля	0,690		Наглость	0,694	Осторожность	0,539
Эффективность в делах	0,680		Хладнокровие	0,608		
Рационализм	0,668		Упрямство	0,597		
Самоконтроль	0,665		Пессимизм	0,566		
Выносливость	0,591		Хитрость	0,501		
Ответственность	0,558					
Смелость в отстаивании своих взглядов	0,525					
Пессимизм	-0,217				Наглость	-0,217

* Факторизация проводилась методом главных компонент, вращение методом VARIMAX, в описание факторов включались те признаки, факторные веса которых были больше 0,5. Дисперсия, описываемая выделенными факторами, составляет 61,2%.

Таблица 4
Типология респондентов, построенная на основе факторного анализа свойств ментальности (в альтернативе толерантности — интолерантности) *

Устойчиво толерантная ориентация (в логике быденного сознания)	Толерантная ориентация с ядром осознанных либеральных ценностей и саморегуляции		Толерантная ориентация с акцентом на государственную и общественную регуляцию		Толерантная ориентация с упрощенной системой ценностей		Приспособительская ориентация
	Самостоятельность выбора и ответственность за него – расчет на решение проблем другими	0,775	0,735	Лояльность к власти – непринятие институтов власти	0,676	Открытость – замкнутость	Гибкость – прямолинейность
Терпимость (умение идти на компромисс) – нетерпимость	0,718	0,687	0,641	Приоритет государства – анархия	0,669	Коллективизм – индивидуализм	0,595
Толерантность – агрессивность	0,574	0,500	0,611	Подчиненность нормам, общественному мнению – игнорирование общественного мнения	0,542	Простота – хитрость	
Терпеливость – нетерпение	-0,240			Законопослушность – склонность к «обхождению» законов			
Политическая активность – политическая индифферентность				Работа только за деньги – работа из интереса	-0,200		

* Индексы рассчитывались на основании обозначенных респондентами альтернатив по пятибалльной шкале, где значения позитивные ("терпимость") обозначались (5), а негативные — (1).

Логика измененных свойств толерантности, как нам кажется, нашла отражение в типологии, основанием которой являются стратегии жизненного успеха и новых жизненных притязаний. Она отражает не столько "предзаданные" свойства режима, отошедшего в прошлое, сколько ориентации, формирующиеся самим переходным периодом. Обращает на себя внимание, что фактор 1 с наиболее сильной структурной связью составляют лица со свойствами жесткой самоорганизации и целеустремленности: "твердая воля", "эффективность в делах", "самоконтроль", "выносливость", "ответственность", "последовательность и смелость в отстаивании своих взглядов". *Иначе — новый рационализм в его системных свойствах* (эмоциональных и волевых, когнитивных и деятельностных). Наряду со свойствами активной рефлексивной позиции и самоорганизации проявляется тип более мягкой гуманистической и коллективистской стратегии. Он признает в качестве значимых для толерантного сознания такие свойства, как чуткость, честность, щедрость души, воспитанность, умение понять чужую точку зрения, коллективизм.

Наряду с указанными представлены ориентации потребительской, агрессивной ориентации. Они всегда были, но форсированный рост рыночных форм хозяйствования обострил для лиц этой группы значимость свойств "дикого рынка" и нетолерантного выстраивания отношений. Они конструируют новые отношения на основе "умения жить за счет других", "наглости", "хладнокровия", "упрямства" и "хитрости". Их жизненное кредо — пессимизм. В социальных настроениях позиции безразличия и пессимизма разделяли от 8 до 10% респондентов этой группы.

Тип традиционного самосохранительного поведения (с такими характеристиками, как "простота", "осторожность") коррелирует с IV типом традиционно-стабилизационной ориентации в системе базисных ценностей и типом III — толерантной ориентации с упрощенной (естественной) системой ментальных установок.

Оставляем за пределами анализа типологии, построенные по основанию стереотипов и "пороков", хотя они дают большое поле для интерпретации барьеров, встающих на пути формирования толерантного сознания *от его негативной, бессознательной составляющей и разного рода возлияний и конъюнктуры в адрес "национального характера", специфики "русской души", фобий разного рода, избранности того или иного народа и т. д.*

Различия в свойствах толерантности обнаруживаются и в корреляции со средой конкретных городов и регионов Украины. Остановимся на этом подробнее.

Учитывая что социальное пространство практически любой страны мира не только полиэтнично, но и поликультурно, а идентичность любого гражданина страны множественна и зависима от макро- и микросоциальных факторов, принципиальное значение для оценки состояния толерантности имеет конструирование социального пространства.

Способы взаимодействия структур власти и неправительственных организаций, этнокультурных общин, научных, образовательных ассоциаций имеют для этой цели принципиальное значение.

Этнонациональные отношения, положение диаспор, возрождение этничности, соотнесенность этнического и социального как факты и социальные практики повседневной жизни значимы не только для Украины или России, но и для развития европейской традиции в целом. Это оценка истории развития народов в их общем геополитическом измерении, оценка взаимодействия культуры и национальной экономики, анализ формирования "образцов успешности" и рационального мышления, в том числе диаспоральных образований в разных странах. Результаты этнокультурных взаимодействий могут быть оценены в категориях "успехов" и "потерь", которые произошли на этом сложном пути, равно как и сокращения или возрастания социальных дистанций между "своими" и "чужими", способов преодоления этих границ во имя выживания и совершенствования качества жизни в европейском и национальных масштабах.

Культурные символы, события и тексты, с помощью которых разные этносы в границах общей культурной и социальной среды очерчивают смыслы своего существования, могут свидетельствовать как о социальных ресурсах, так и о бифуркациях. Этничность в стадии становления или мобилизации обретает форму защитного патриотизма, а в стадии тоталитаризма — форму шовинизма и расизма. В этом случае она выходит за рамки отведенного ей культурного пространства и не просто конкурирует на социальном поле с другими составляющими социального капитала, но подчиняет и "присваивает" их. С другой стороны, этничность, поставленная в рамки ограниченных социальных свобод, подневольной ассимиляции, размывает сущностную основу существования и воспроизводства этноса, обедняет политическую и культурную плюральность.

Символический ресурс может обозначать как конкуренцию "этнического" и "политического" элементов в социальном пространстве через разные виды объективных неравенств, так и субъективные оценки своей роли и значимости тех или иных идентификаций в этих системах.

Рассмотрим значения толерантности и интолерантности, реализуя третью обозначенную задачу, на ряде примеров этнополитических и социально-культурных самоидентификаций населения городов Львова, Харькова, Одессы.

Анализируя результаты исследования (таблицы 1, 2, 3), раскрывающие их семантические значения в альтернативе указанных признаков, можно сделать следующие выводы.

Преобладает тенденция толерантности: более половины населения крупных городов Украины, представляющих западный, восточный и южный регионы Украины, в границах обозначенного в исследовании поля "этнического-социального" разделяет позиции либеральной идеологии. Совокупные характеристики толерантности

у населения Львова более выражены, чем у жителей Харькова и Одессы. Последние не отличаются ни в своих абсолютных значениях, ни в индексах, свидетельствующих об ее альтернативных значениях.

Наиболее согласованными являются семантические и содержательные значения относительно Украины как государства, в котором все нации и народности могут иметь право жить, если они приняли и получили ее гражданство, а также важности ощущения себя в качестве представителя определенного этноса.

Наименее согласованными выглядят суждения о необходимости признания со стороны коренной нации факта принятия "своими", а не "чужими" различных этнических групп и значимости этноса в мировой системе координат.

Обращает на себя внимание соотносительность значений факторов "привязанности" к Украине и "привязанности к исторической Родине". Для украинцев они сливаются. В массиве респондентов Львова и Одессы (77,3–79,0%; 68–70,7%) акцентируются как связь времен и воспроизводство нации или как актуализация *суверенной Украины* — в Харькове (66,7–58,7%). Для других этнических групп оба названных фактора означают внутреннюю консолидацию по основанию *собственно культурных ценностей*. Евреи и русские во Львове, евреи, русские, немцы, "кавказцы" в Одессе тяготеют в своей принадлежности к исторической родине сильнее, чем к Украине. А в Харькове прямо противоположная тенденция: евреи как диаспора в своем большинстве считают Украину своей исторической родиной.

Для некоторых этнических групп в ряду факторов толерантности особое значение приобретает, как сказано выше, признание их "своими". Во Львове это важно для 57% русских, 44% евреев и 72% поляков. Именно поэтому культурная среда здесь более консолидирована и толерантна. В Харькове эти значения иные: признание украинцами значимо для 26% русских, 29% евреев и 39% немцев. В Одессе русские и евреи еще более самостоятельны (14,6%; 29,4%), тогда как немцы, болгары, молдаване и "кавказцы" нуждаются в этом признании (48,0%; 58,7%; 52,0%; 56,0%).

Позиции толерантности раскрываются полнее, если рассмотреть направления и основания интолерантности. Форма "этноцентризма" как альтернатива проявления толерантности имеет в основании следующие суждения: отказ в праве другим этносам проживать на территории Украины ("Украина — для украинцев"), представление об исключительности своего этноса ("в мире нет людей лучше, чем представители моего этноса"), право влияния в связи с этой "избранностью" и "исключительностью" ("чем большее влияние будут оказывать представители моего этноса на другие этнические сообщества, тем лучше для них").

Этнорадикальные настроения выражены в анализируемых культурных средах Львова, Харькова и Одессы с разной степенью интенсивности. Запад-восток сближается по доле лиц, проявляющих

радикальные позиции (31,1–30,6%). *Здесь почти каждый третий так или иначе демонстрирует свою интолерантность.* В Одессе лишь каждый восьмой (13,2%) имеет такие представления о толерантности.

Но иерархия факторов в семантических значениях интолерантности запада-востока различается. Во Львове с одинаковой мерой интенсивности выражены две тенденции — "Украина должна принадлежать только украинцам" (32,5%), "Чем большее влияние представители моего этноса будут оказывать на другие этносы, тем лучше для них" (32,4%), в Харькове — последняя (38,1%) плюс мифологизация "исключительности" ("В мире нет людей лучше, чем представители моего этноса). Во Львове и украинцы, и евреи, почти половиной массива, разделяют идею "о праве жить на Украине только украинцам" (53,4–51,4%). Евреи, проживающие здесь со времени рождения своих предков, считают себя также коренными. В Харькове позиция "исключительности" воспроизводится также за счет евреев и украинцев, но в разных пропорциях (56,0–32%). На востоке немцы и русские (26,6–18,6%) четвертой частью своего состава вероятно "заблуждаются" относительно своей "избранности", на западе — это ощущение мессианства гипертрофировано преимущественно у евреев. У поляков оно более высокое, чем у русских (17,3–9,4%), но значительно меньше, чем у украинцев (34%).

Различия в оценках этнорадикальных настроений в объеме более 20%, вероятно, могут быть приняты в качестве значимых при измерении социальной напряженности в конкретной культурной среде.

Более полные значения толерантности и этнорадикализма могут быть получены за счет корреляции с другими факторами: социально-политических идентификаций; набора характеристик, отражающих степень реализации прав этнических меньшинств; конкретных проявлений дискриминации по этническим признакам, отношения к эмигрантам, покидающим Украину, и беженцам, прибывающим в нее из "горячих" точек, языковой компетентности и языковым ориентациям, через соотношения свободы, ответственности и правовых обязательств и т. д.

Выводы. Множественность отношений, выражающих феномен толерантности, зависит как от "предзаданных" условий качества жизни в конкретной стране, так и от актуализируемых в повседневных практиках стратегий "выживания" или "конкурентоспособности". Гармонизирующей экономические, политические, правовые, социокультурные основания развития социума является целевая установка на уважение человеческого достоинства при самых разных парадигмах рационализма и глобализма.

Несмотря на диффузную форму существования, толерантность формируется в рамках *устойчивых структур*, таких как социальные институты, социальные общности, социальные организации, которые обеспечивают качество жизни, связь времен, опыт поколений и создаваемые ими системы ценностей, а также в ходе само-

организационных процессов, концептуализирующих опыт настоящий.

Отношения толерантности возникают, как показали эмпирические исследования, *на пересечении ценностно-нормативных представлений*, актуализирующих значимость отдельных подсистем, *свойств и качеств человеческой личности*, востребованных глобальным рынком труда, и непосредственно задачами выживания и конкурентоспособности, и *ментальных установок*, предстающих как опредмеченные социальные отношения в единстве "сознательного" и "бессознательного".

Пограничная определенность толерантности в рамках обозначенного признакового пространства более всего проявляется через "ядра ценностей". Такие из них, как "мирная обстановка в стране", "равенство возможностей", "права человека", "чувство долга", "стабильность", задают типы коллективно-стабилизационной, гражданской гуманитарной ориентации, с одной стороны, творческой, конструктивно-реформистской — с другой. На индивидуальном уровне они проявляются через тип целерациональной и персонифицированной ориентации. Наряду с ними сосуществуют типы прагматической и традиционно-стабилизационной ориентации.

Пограничная определенность толерантности характеризуется также через рефлексию деловых и личностных качеств. Самими респондентами они различаются с точки зрения стратегии личностного успеха и формирования гражданской нации; реконструируются в типах жесткой самоорганизации, индивидуальной целеустремленности и общей гуманистической коллективистской направленности, что согласуется с направленностью типологии по основанию систем ценностей.

Пограничная определенность толерантности, вырисовывающаяся в результате анализа альтернативных значений ментальных установок, позволяет считать в качестве значимых такие свойства, как терпимость, терпеливость, неагрессивность. Они формируют тип лиц, живущих в обществе согласно самым общим, естественно сложившимся нормативным стереотипам. В народе их называют основаниями жизненной мудрости. Второй тип составляют люди, придерживающиеся неолиберальных установок и осознающих необходимость реализации собственных целевых задач. Для них важны как самостоятельность выбора, так и ответственность за него, свободолюбие и продуктивность (деловитость), служение отечеству, а не "хозяину". Тип третий представляют люди, лояльные к власти, признающие приоритет государства во всех направлениях, подчиняющиеся и общечеловеческим нормам, и общественному мнению. Все они, как правило, считают себя законопослушными гражданами. Параллельно с ними имеют место иные модели толерантности — с упрощенной системой ценностей ("открытость", "коллективность", "простота") и приспособительной ориентации.

Вероятно, все отмеченные выше типологии важны для описания общего поля толерантности. Сами же конфигурации моделей толе-

рантности, величины факторных нагрузок, свидетельствующие о связях свойств между собой, позволяют приблизиться к измерению этого сложного феномена и объяснить формы и способы его функционирования в различных типах обществ и разных культурных средах.

Литература

1. Бурдье П. Политические позиции и культурный капитал // Бурдье П. Социология политики. — М.: Socio — logos, 1993.
2. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Начала. — М. — Socio — logos, 1994.
3. Chase-Dunn C., Gills B. Understanding Wives of Globalization and Resistance in the Capitalist World-System: Social Movements and Critical Globalization Studies // Irows Working Papers — 2003. — N 2.
4. Amin S. The political Economy of the Twentieth Centry// Monthly Review — 2000. — Vol. 52, N 2.
5. Walzer M. On Toleration. — New Haven: Vale University press, 1997.
6. Nicholson P. Toleration as a Moral Ideal // Aspects of Toleration. — Eds. I.Horton, S.Mendus. London, New York: Mtthnen and Co. Itd. — 1985.
7. Mendus S. Toleration and the Limits of Liberation, Humenities Press International. — 1989.
8. Toleration. An Elusive Virtne / Ed. D. Haid. Princitone: Princitone University Press. — 1996.
9. Grey I. Pluralizm and Toleration in Contemporary Political Philisophi// Political Studies, vol.48. Oxford: Blecknell Publishers. — 2000.
10. Хомяков М. Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии социология антропологии. — 2003. — Т. IV, № 4.
11. Кольцова Е. Ю. Таратута Е. Е. Измерение толерантности // Журнал социологии социальной антропологии, 2003. — Т. IV, № 4.
12. Lockwood D. Social Integration and System Integration // Exploration in social change/ Ed. By Hirsch — London. — 1964.
13. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. — 1994. — № 4.
14. Україна в цифрах. — К., 2005. — С. 22.
15. Україна в цифрах. — К., 2005. — С. 236.

Н. А. Победа,

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра соціології
м. Одеса-68, Французький бульвар, 24/26, к. 40, 65058, Україна.

ТОЛЕРАНТНІСТЬ ЯК ДИФУЗНА ФОРМА ПРОЯВУ "СОЦІАЛЬНОГО"

Резюме

У статті розглядається еволюція змістовних смислів толерантності в контексті соціально-гуманітарних досліджень. Обґрунтовується форма прояву феномена як суміжної визначеності інших, більш сталих та інституціонально сформованих, структур. На розгляд виносяться концептуальні підходи досліджуваного феномена, операціональні еквіваленти "відносин толерантності" та "моделей толерантності". На прикладі емпіричних досліджень етнічних груп у соціокультурному середовищі

міст Львова, Одеси, Харкова розкриваються відмінності властивостей толерантності та оцінюється характер структурних зв'язків між наведеними для виміру одиницями аналізу.

Ключові слова: суміжна визначеність, властивості та конфігурація соціальних відносин, переплетіння соціальних зв'язків, що відтворюють різні типи толерантності.

N. A. Pobeda,

Sociology Department of Social Sciences Institute
of Odessa Mechnikov National University,

r. 40, 24/26 Frantsuzsky boulevard, 65058 Odessa-58, Ukraine.

TOLERANCE — A DIFFUSIONAL FORM OF "THE SOCIAL"

Summary

This article deals with the evolution of the content meanings of tolerance in the context of social-humanitarian investigation. The author bases the form of the phenomenon as a border determination of the other more, stable structures. Are presented the discussions of conceptual approaches to the phenomenon that is explored, operation equivalents "relationships of the tolerance", and "models of the tolerance". As an example of empirical investigations of the ethnic groups in the socio cultural environment of Lvov, Odessa, Kharkov are uncovered distinction of the properties of the tolerance and the type of the structural connections between the figures of the analysis that were announced for measurement is appreciated.

Keywords: frontier determination, qualities and configurations of social relationships, a linking of social connections reproducing different models of the tolerance.